

Часть вторая

Высоты капитана Беляева

*К вам, павшие в той борьбе мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.*

Александр Твардовский.

Странички из дневника

Вести дневник на фронте запрещалось. А он, вопреки всем запретам, все-таки вел его. Не регулярно, с большими перерывами, не очень подробно о боевых действиях, но все же что-то, какие-то свои мысли, раздумья и наблюдения записывал, чтобы потом, когда кончится война, прочитать эти записи жене и детям.

О том, как тот или иной человек воевал, можно узнать из наградных листов, из фронтовых документов типа журналов боевых действий, боевых донесений, из историй боевого пути дивизий и полков, из фронтовых газет, из воспоминаний однополчан, наконец. А вот что он думал, какие чувства испытывал в определенный момент, в той или иной боевой ситуации, как сам оценивал свое место в общем боевом строю, документы не расскажут. Вот почему этот дневник вместе с фронтовыми письмами так дорог не только семье погибшего летчика, но и нам, сегодняшним исследователям, пытающимся вместе с познанием боевых действий познать и душу воевавших.

Дневник командира эскадрильи 27-го гвардейского истребительного авиаполка капитана И. Ф. Беляева попал в семью не сразу после его гибели, а уже годы спустя от вдовы одного из однополчан Иринья Федоровича. А ко мне в руки - и того позже.

Письмо Александры Федоровны Беляевой, присланное в вологодскую областную газету в конце 1985 года, было столь коротким, что даже информационной заметочки «вытянуть» из него не было возможности. Завязалась переписка. А летом следующего года мне все же удалось вырваться на сутки в город Щекино Тульской области, где проживали жена и дочь Беляева.

Фронтовые реликвии, будь то солдатский медальон, письмо, снимок, сделанный за несколько минут до боя, или пожелтевшая газетная вырезка о боевом подвиге, - всегда вызывают у меня трепет, словно прикасаюсь я к чему-то святому. А тут - дневник и целая «книжечка» фронтовых треугольников. 98 писем мужа Александра Федоровна аккуратно подшила листок к листку. Пока дети были маленькие, прикасаться к этой

«книжечке» не позволяла, сама читала им фронтовые послания отца. Но бумага все же состарилась, пожелтела, стала ломкой. Переворачивать листочки приходится с величайшей осторожностью.

Вот уже десятилетия прошли с того дня, как погиб летчик, а душа его живет в этих хрупких листочках и будет жить, доколе будут хранить их его потомки...

«Война для меня казалась странной. Может ли она быть, когда люди достигли высокого сознания, трудятся, своим трудом накапливают блага для существования? Зачем убивать друг друга, уничтожать накопленное, созданное трудом? Разве недостаточно пространств и богатств природы? Неужели в человеке нет простого здравомыслия? Вдруг человек человеку становится хищным, злым зверем. Мне это кажется низким.

И все-таки я стараюсь уничтожить фашистских варваров за то, что они убивают наших жен, матерей и детей. Они - преступники перед всем миром...»

Так думал Ириной Федорович в январе 1942 года.

А начало дневника относит нас к первым часам войны.

«22 июня до восхода солнца меня разбудила жена, и я ушел, не сказав ничего Сереже. Как обычно, прогрели моторы и стали располагаться у самолетов в палатке на отдых. День был пасмурный. Моросил дождь. Объявили тревогу. Мы выскочили, разбежались по самолетам и стали ждать указаний. Но их не последовало. Снова побежали в палатку. Опять объявили тревогу.

Приехал полковник и объявил, что немцы бомбят наши города и воинские части. Сначала мы не поверили в это, думали, что это вводная какого-то учения. Но оказалось самое страшное. Это была война.»

В одночасье рухнули все планы не только выходного дня, но и всей жизни.

- А планы на 22 июня были у нас самые приятные, - рассказывала мне августовским вечером восемьдесят шестого года Александра Федоровна. - Накануне к нам в Кубинку, где мы тогда жили, из Москвы приехал друг Ириной Федоровича, его однокурсник по летному училищу Сережа Макуркин. Они начинали службу вместе, а потом Макуркин подал рапорт с просьбой направить его на учебу в Военно-воздушную академию имени Жуковского. Просьбу удовлетворили, и он начал готовиться к поступлению. В выходной мы собирались в лес за ландышами. Хотели отдохнуть на природе.

Ночью к нам постучали. Посыльный из штаба сказал: «Кто есть в квартире военный, объявите тревогу.» Ириной побежал на аэродром. Вслед за ним умчался и Макуркин. Вернулся Сережа не скоро. Был очень взволнован. Сообщил, что срочно уезжает в Москву. В полдень мы услышали: война.

Ирина Федоровича перевели на казарменное положение, видели мы уже редко. А через месяц началась эвакуация: ведь городок Кубинка - на полпути между Москвой и Смоленском. До нас уже добирались немецкие бомбардировщики. 22 июля был первый налет и на Москву. За полчаса до нашего отъезда прибежал запыхавшийся муж: отпустили проститься с семьей. Он расцеловал нас всех, а потом мне сказал:

- Саша, расти детей. Вернусь, будем счастливы. Не вернусь, расскажешь им, каким был.

- Почти целый месяц тащились мы до киргизского городка Токмак. Работала я на строительстве сахарного завода, в горисполкоме, а весной сорок второго меня избрали секретарем горкома комсомола. Прислал тогда Ириной Федорович большое письмо. В начале - удивление, в конце - напуганность...

Моя собеседница листает «книжечку», подает мне: «Вот оно».

«Привет, Саша, мама, Люся, Сережа.»

Получил твое письмо и узнал, что ты уже секретарь горкома комсомола. Сильно работаешь! Ты перескочила все нормы. Я не ожидал, что у тебя так здорово пойдет, хотя и раньше писал, что в тебе много есть еще не узnanного, не понятого мною.

Давай тогда работать.

Саша, а ведь много будет работы. Комсомольское хозяйство, школы, воспитательная работа и, наконец, военная. Понимаю, тяжело. Главное, нет готовой продукции... Живые люди, с ними ведь всегда труднее работать.

Коли выпала тебе такая работа, то давай, чтоб было хорошо. Мы всегда на всех участках работали неплохо.

Желаю успеха!»

- А ведь он в это время лежал в госпитале, - продолжала Александра Федоровна, когда я закрыла «книжечку». - И ни слова о себе, чтобы мы не волновались. Вообще это был очень чуткий к другим, заботливый человек, очень любил ребят...

Ночью, когда буду листать и переносить в свой блокнот целые страницы из дневника и подшивки писем, смогу убедиться в этом. В письмах - постоянные вопросы или просто мысли о детях.

«Пиши, как растет Люся и что говорит Сережа. Как бы мне хотелось посмотреть на ребят. Потешные они были, когда на стульчиках сидели. Наверно, ребяташки все время бегают на улице? Вот война кончится, мы вместе тогда будем бегать...»

«...Сегодня Сережу видел во сне. Он лежал на койке и разговаривал со мной, как большой. Я так был удивлен. Он умно рассуждал. Интересный сон...»

«Спасибо, что ты много написала о детях. Да, Люсе уже шесть лет, а Сереже - третий год. Как быстро они растут, и все как-то без меня. Жалко, что мне мало приходится участвовать в жизни ребят...»

Такие же проникновенные строки о семье, о детях - и в дневнике.

«Вечером, когда лег спать, не мог долго заснуть. Думал о жене, о ребятишках...»

«Вручили почту. Целых пять писем. Четыре от Саши. Какая радость! Молодец у меня жена. Я знаю, я убежден, что она часто пишет, но наше положение (имеется в виду блокада Ленинграда - Т. С.) не дает возможности аккуратно получать почту. Саша! Если б ты знала, как я соскучился по тебе!

Люблю свою семью. У меня славная мать. Добрая, чуткая, хорошая мать. Жена - замечательный человек. Не боится лишений. Ведь она еще и не видела материальных благ. Мы жили бедно. Но с такой семьей хоть и бедно, но хочется жить. И жить хорошо.

А дети! Это же чудные ребята. Люся, Сережа. Вот моя семья. Я доволен ею. Нет нытиков, все дружные, удовлетворенные тем, что есть. Милая семья.

Саша, в тебе еще много ценного, не выявленного, вернее, не раскрытого пока для меня, не понятого мною. Тебя нужно поддержать и материально, и морально. И тогда откроется много нового, замечательного.

Будь здорова, моя семья! Будь здорова, Саша!»

Ни в письмах, ни в дневнике Ириной Федорович не раскрывает свой биографии. А между тем, его раннее детство было полусиротским. Он родился 23 августа 1914 года третьим сыном в семье. В Европе уже полыхала первая мировая война. Призвали в армию и Федора Беляева. Осталась Татьяна Степановна с тремя мальцами. Муж как ушел, так словно в воду канул: ни слуху, ни духу. Откуда ей было знать, что попал Федор в плен и в далекой Германии тянет лямку подневольного. Вернулся он в свое родное Крюково Рослятинского района только в 1922 году. Вернулся к пепелищу: во время пожара в деревне сгорел его дом. Татьяна Степановна пыталась было построить новый, но разве ж ей одной под силу такое. Мальчишки - еще не помощники. Самому старшему - всего-то тринадцатый год.

Посмотрел Федор Андреевич на мытарства семьи, погоревал, да и покинул родную Вологодчину навсегда. Нашел он себе пристанище в Алтайском крае, в коммуне имени Спартака. Вскоре и семья туда переехала.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба деревенского паренька, если б не вернулся отец. Вряд ли ему удалось бы получить среднее образование. Правда, после окончания Бийского педучилища направили Ириinea Беляева не на учительскую, а на комсомольскую работу. Попал он на шахту в город Прокопьевск. Там в 1934 году и встретил свою Сашу.

Пожились они в апреле тридцать шестого, а четыре месяца спустя по комсомольскому набору уехал он в летную школу в Пермь.

Сказав о жене, что она еще не видела материальных благ, он то же самое мог бы сказать и о себе. Его короткая (он не дожил немногим более месяца до своего 29-летия) жизнь не была ни богатой, ни спокойной. Но он любил эту жизнь такой, какой она была. Шестого октября сорок первого он пишет в далекий Токмак: *«Теперь, когда часто приходится встречаться с противником, жить хочется больше, чем раньше. Жизнь нужна для будущего... Особенно интересно, каким будет мир?»*

20 января сорок второго в дневнике те же мысли: *«Хорошо бы остаться живым после войны. Как будем ценить жизнь. Хороша будет жизнь...»*

Но как ни мечтал о послевоенной мирной жизни летчик Беляев, она - в неопределенном будущем. А повседневная реальность - жестокие бои. И письма, и странички дневника наполнены их дыханием.

«...Ночью, когда начался первый налет на Москву, была поставлена задача не допустить фашистов до столицы любой ценой. Я в ту ночь не вылетал, а сидел в первой готовности как резерв командира полка. Так я не стал ночником, о чем до сих пор жалею...»

Сражаться в небе Москвы Иринею Федоровичу довелось недолго. В сентябре он и многие его товарищи вместе со своими самолетами были переданы Ленинградской ПВО и влились в 123-й (будущий 27-й гвардейский) истребительный авиапункт. На первый взгляд может показаться странным, что столица в такие напряженные для нее дни отдает часть своего воздушного прикрытия Ленинграду. Но ведь у берегов Невы в эти дни было еще труднее.

Замкнув 8 сентября кольцо блокады вокруг Ленинграда по суше, фашисты неудержимо рвались в город. В течение десяти дней они ценой невероятных усилий отрезали 8-ую армию от главных сил фронта, захватили поселок Володарский, Урицк и Пушкин. Но дальше продвинуться им больше не удалось. Отойдя на рубеж Лигово, Кискино, Пулковские высоты, Московская Славянка и далее к Неве по левому берегу Тосны, наши войска прочно закрепились на этих позициях, и с тех пор враг не смог сделать вперед ни единого шага.

О том, как фашисты стремились стереть Ленинград с лица земли, написано немало. Я же приведу здесь лишь небольшой отрывок из воспоминаний А. А. Новикова, который в сентябре 1941 года был командующим авиацией Ленинградского фронта.

«Все эти дни свирепствовали фашистская авиация и артиллерия. В городе артиллерийская тревога сменялась воздушной, почти неумолчно ревели сирены, рвались снаряды и бомбы. В самый разгар боев у Пулковских высот гитлеровцы нанесли по городу наиболее сильный из

всех авиационно-артиллерийский удар. Во втором часу ночи 19 сентября на улицах и площадях начали рваться вражеские снаряды. Обстрел почти без перерыва длился до 7 вечера. С наступлением темноты на Ленинград двинулись «юнкеры» и «хейнкелы». Не успевал прозвучать сигнал отбоя воздушной тревоги, как следовал новый налет. В тот день в город прорвалось 276 бомбардировщиков».

Отражать этот воздушный натиск противника у ленинградцев уже практически было нечем. В эскадрильях оставалось по одному-два самолета. По утверждению того же А. А. Новикова, в сентябре из состава ВВС Ленинградского фронта отбыли на переформирование пять истребительных и шесть бомбардировочных полков. Вот в это время Москва и пришла на помощь Ленинграду. Осажденный город получил 230 боевых машин, в основном - истребителей. В числе их был и истребитель Беляева.

Второго октября он пишет жене:

«Как видите, я жив, здоров! ...Встречать гансов приходится каждый день, а то и по 2-3 раза. Наше пополнение все цело, здорово. Научились воевать. Но еще недостаточно научились уничтожать. Правда, я уже одного кокнул 27 сентября.

Они трусливы, но коварны. Действуют из-за угла. Когда их много, а нас мало, то стараются подойти незаметно, а когда их видишь, то они не подходят. Вот, например, вчера нас было трое, а их сначала подошло четверо, а затем еще четверо. Они были выше нас, нельзя было нам лезть на рожон. Мы ходим, и они ходят. Затем пара бросилась к нам. Я заметил, как один заходит в хвост к моему ведомому. Я резко развернулся и дал по нему очередь. Он как бешеный отскочил и больше не показывался. Так мы вернулись все благополучно. Одного ганса все-таки сбили.

Фронт от нас недалеко. Частенько слышны орудийные выстрелы, особенно в районе Кронштадта.»

Десять дней спустя опять семье: *«Тяжело жителям Ленинграда. Понятно, что и с продовольствием туго, и вообще часто тревожат... Положение тяжелое, но надежды не теряем.»*

За первое января сорок второго года в дневнике такая запись: *«День прошел обыкновенно. Втроем летали на ледяную трассу. Ходили на 5-6 тысяч метров. Усталой голове не хватало кислорода. Произошел небольшой бой. Мне не пришлось сделать ни одного выстрела. Опоздал. Только хотел стрелять, а самолет противника Me-109 упал, подбитый нашим командиром Жидовым. Так начался Новый год.»*

Ледовая трасса, о которой упоминает в своем дневнике И. Ф. Беляев, вошла в историю под несколькими названиями. Наиболее известное - «Дорога жизни». Так окрестили ее сами жители города на Неве, поскольку она действительно спасла жизни тысячам блокадников.

Официальное ее наименование, вошедшее в военные документы, - Военно-автомобильная дорога № 101.

Даже мое поколение, родившееся в тридцатые годы, знающее о войне по бомбежкам да похоронкам, материнским слезам, недоеданию, а еще по послевоенным фильмам и книгам, весьма смутно представляет себе, что же это такое - «Дорога жизни». А что уж говорить о сегодняшних пятнадцати- и двадцатилетних, да если они еще и учат историю своего Отечества по учебникам таких авторов, которые все повествование о Великой Отечественной войне уместили на нескольких страничках.

Вот почему я прерываю свой рассказ о летчике Беляеве, чтобы немного познакомить читателей с историей ледовой трассы, этой многокилометровой ниточки, которая в течение почти семнадцати месяцев связывала осажденный город со страной или, как говорили ленинградцы, - с Большой землей.

Как только 8 сентября фашисты захватили Шлиссельбург и Ленинград с суши оказался блокированным, руководство города и фронта начало искать пути снабжения жителей и армии продовольствием. Имевшиеся запасы его, которые хранились на Бадаевских складах, противнику удалось поджечь. На том, что осталось, город мог продержаться лишь пару недель. А обеспечить два с половиной миллиона жителей и армию с помощью авиации было нереально.

В это время не занятым врагом оставался лишь небольшой участок западного берега Ладожского озера в районе его южной оконечности. Кстати сказать, этот участок врагу так и не удалось до конца войны захватить. По этому тридцатикилометровому водному пути и начались перевозки продовольствия в осажденный город и эвакуация его жителей. Уже 12 сентября к западному берегу озера в районе Осиновца было доставлено на двух баржах 625 тонн зерна и 116 тонн муки. Мизер, конечно, в сравнении с тем, что требовалось Ленинграду. Но не зря в народе молвится: лиха беда - начало. С этого дня водные перевозки уже не прекращались ни днем, ни ночью до самого ледостава. Проходили они в условиях, требовавших невероятных усилий сотен и сотен людей. Напрягите, пожалуйста, читатель, все свое воображение и представьте: железнодорожный состав, проследовав Вологду, Череповец, Тихвин, прибывает на станцию Волхов, откуда вагоны подают на пристань Гостинополье, где грузы переваливаются на мелкоосидящие речные баржи. Речные буксиры доставляют их по Волхову до Новой Ладogi. Здесь все перегружается на озерные баржи. Теперь уже озерные буксиры, а то

и катера Ладужской военной флотилии тащат их через озеро к его западному берегу в Осиновец. Снова перевалка в вагоны узкоколейной железной дороги, которая от берега подходила к Ириновской железнодорожной ветке широкой колеи. Отсюда груз шел уже напрямиком на Ленинград. Четыре перевалки на расстоянии каких-то 120-150 километров!..

Самым трудным был озерный участок пути длиной в 30 километров. С воздуха - непрерывные атаки вражеской авиации, а на самом озере - жестокие осенние штормы, грозящие опрокинуть и разнести в щепки ветхие суденышки. И опрокидывали. И разносили в щепки. Уходили на дно десятки, а то и сотни тонн грузов, но следующий караван упрямо шел вперед.

Однако навигация - дело сезонное. Все понимали: еще месяц-полтора и озеро покроется льдом. Что тогда?

Этот вопрос беспокоил членов военного совета Ленинградского фронта не меньше, чем жестокие бои на Пулковских высотах. Не будет дороги - город вымрет, на что так надеется враг. Вместе с бомбами он сбрасывает тысячи листовок, предсказывающих ленинградцам неминуемую гибель. Гитлеровское руководство, как это выяснилось после войны на Нюрнбергском процессе, приняло даже специальное решение: «Если вследствие создавшегося положения в городе будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты».

Нужна дорога. Только в ней спасение.

А нельзя ли проложить ее прямо по льду?

Специалисты заглянули в историю. Оказалось, что примеры использования льда замерзших рек, озер, проливов для переправы войск и различных грузов есть. Еще в период Северной войны, в марте 1710 года корпус русских войск под командованием адмирала Ф. М. Апраксина совершил 130-километровый ледовый переход с острова Котлин на финское побережье для осады Выборга.

Были примеры таких переходов и в XIX веке, и в 1940 году, во время советско-финской кампании. Но это были разовые переходы. А в условиях зимы 1941-1942 г.г. требовалась долговременная тридцатикилометровая трасса, по которой перемещались бы не пешие воины, а груженные машины. И если теоретически идея казалась вполне осуществимой, то практических аналогов история еще не знала.

Гидрографическое изучение озера началось уже 6 октября, а 20 ноября по ледовой трассе проследовал первый конно-санный обоз, насчитывавший 350 упряжек. На следующий день он доставил в Осиновец 63 тонны муки. Лед еще не был достаточно прочным, но Ленинград ждать не мог: с 20 ноября хлебные нормы сократились до 250 граммов рабочим и 125 граммов - остальному населению. Фактически это был уже голод.

Из-за хрупкости льда машины брали всего 300-400 килограммов груза. К ним прикрепляли санные прицепы, на которые укладывали еще столько же. Чтобы в случае, если машина провалится под лед, она не утянула бы с собой прицеп, буксирный канат удлиняли до 20-30 метров.

Напряжение так изматывало людей, что стоило какой-нибудь машине остановиться, как за нею тут же образовывался «спящий хвост»: водители мгновенно засыпали, опустив голову на руль.

Шестого декабря начальник тыла Ленинградского фронта генерал Ф. Н. Лагунов доложил Военному совету о потерях: застряло и затонуло 126 машин, погибли десятки лошадей.

Но несмотря ни на что, объем перевозок нарастал. Это и позволило руководству города с 25 декабря увеличить хлебную норму до 350 граммов рабочим и до 200 граммов остальным. Это был рискованный шаг, поскольку город жил «с колес», но моральное значение он имел огромное. Люди воспряли духом, затеплилась надежда, что удастся выжить.

С 5 января 1942 года ледовая трасса заработала в полную силу. Появилась возможность выпускать на линию до полутора тысяч машин.

Что же представляла собой эта трасса?

Десятиметровой ширины дорога с двусторонним движением, с деревянными мостиками над промоинами, с указателями и регулировщиками, с дежурившими круглые сутки ремонтными летучками.

Дорогу называли военной. И не только потому, что перевозились по ней военные грузы и перебрасывались воинские части. Это было удивительное с военной точки зрения, единственное в своем роде сооружение. Мало того, что охраняли трассу несколько отдельных стрелковых и лыжных батальонов, патрулировавших вдоль нее круглосуточно, имевших на случай необходимости 10 броневиков. Через каждые два-три километра был сооружен узел сопротивления: снежно-ледяные стрелковые и артиллерийские ячейки, утепленные палатки, 16 деревянных пулеметных гнезд, обнесенных мешками с песком и льдом. Были и бронированные точки: снятые с танков Т-26 и Т-28 башни.

Не случайно серьезных попыток наземного вторжения на трассу противник не предпринял ни в ноябре-апреле 1941-1942 г.г., ни в ноябре-январе 1942-1943 г.г. Зато над трассой враг «висел» почти постоянно.

Первые сообщения своих воздушных разведчиков о начале действия ледовой трассы гитлеровское командование всерьез не приняло, дескать, это авантюра, невозможно снабжать по льду миллионное население и армию. Это нереально. Но трасса жила и действовала. И 28 ноября в дневниковой записи начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера сквозит явное удивление: «Действительно, по Ладожскому озеру проложен путь по льду, по которому осуществляется сообщение с Ленинградом».

С 4 декабря немецкая авиация начала систематические налеты на ледовую дорогу. Но и это не прервало ее работу. У Гальдера уже беспокойство: «Передвижение транспорта противника по льду Ладожского озера не прекращается».

Командование Ленфронта понимало, что враг будет предпринимать все более энергичные попытки парализовать работу дороги. Нужно было усиливать воздушное прикрытие не только самой трассы, но и перевалочных станций. Если в начальный период для этих целей были выделены пятьдесят самолетов и зенитный дивизион, то с первого января 1942 года сюда были направлены еще четыре истребительных полка, в том числе и 123-й, в котором служил И. Ф. Беляев.

Прежде чем я вернусь к рассказу о нашем земляке, летчике-истребителе Беляеве, приведу еще несколько цифр, без которых характеристика Ладожской коммуникации была бы незавершенной. С начала блокады и до 30 марта 1943 года по Ладожскому озеру было доставлено в Ленинград без малого полтора миллиона тонн грузов (преимущественно продовольствия) и около 450 тысяч военнослужащих. Из Ленинграда на другие фронты было переброшено несколько воинских соединений и вывезено на Большую землю более 1200 тысяч жителей города. Эти цифры и факты по истории «Дорога жизни» приводит В. М. Ковальчук в своей монографии «Ленинград и Большая земля».

На одном из обелисков, которые благодарные ленинградцы поставили во многих местах бывшей Военно-автомобильной дороги, высечены слова:

*«Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знали на земле
Страшней и радостней дороги.»*

Жертвы ленинградцев, принесенные в период блокады, неизмеримы. И все же город выстоял. А не будь ледовой трассы? Продолжать эту мысль не могу, нет сил даже представить такое.

В строительстве «Дороги жизни», в ее эксплуатации и защите принимали участие сотни вологжан. Эта тема еще ждет своих исследователей.

А я возвращаюсь к прерванному повествованию.

17 января сорок второго года Ириной Федорович Беляев записывает в дневнике: «...Наш полк охраняет трассу через Ладогу. Часто нам приходится встречаться с фашистами. Не хватает самолетов. Но этот важный объект нужно хранить. От этого объекта зависят тысячи жизней».

Были во время наших полетов фашисты над трассой. Но их бомбы всегда падали мимо цели. Если мы не могли их уничтожить по причине своей малочисленности, то не давали им прицельно бомбить. Этим самым выполняем свою задачу.

Однажды командир полка назвал меня «безумно храбрым». Нас было двое. Бомбить Осиневец пришли четыре Ю-88. Я бросился на «юнкерсов», не обращая внимания на разрывы своей зенитки. Открыл пулеметно-пушечный огонь... «Юнкерсы» высыпали свой груз в воду...»

Но далеко не всегда фашистам удавалось уходить с трассы безнаказанно.

В один из дней они начали налеты с самого раннего утра. На участке, закрепленном за 123-м истребительным полком, в это время находились две группы «ишачков». Группа старшего лейтенанта Харитонова пошла в лобовую атаку. Фашистские летчики, как правило, от лобовых столкновений уходили. И на этот раз результат был тот же. Бомбардировщики начали разворачиваться на обратный курс. А там их подстерегала группа старшего лейтенанта Евсеева. Она расстреливала вражеские машины с самых коротких дистанций. Три «юнкерса» рухнули на лед, остальные, форсировав моторы, уходили к линии фронта.

Не успел закончиться первый воздушный налет, как наземная радиостанция сообщила, что над озером около шести десятков немецких бомбардировщиков под прикрытием восьми «мессершмиттов» идут в направлении ледовой дороги. С такой армадой восьми «И-16» не справиться. Срочно подняли в воздух еще семь «яков».

- Беру на себя истребителей, атакуйте бомбардировщиков, - передал Беляев группам Харитонова и Евсеева.

Восемь «ишачков» ринулись наперерез «юнкерсам».

Свою семерку Беляев тоже разделил на две группы. Четыре самолета он повел за собой в атаку на «мессеров», а пара «яков» должна была находиться повыше, наблюдать за полем боя и приходить на помощь там, где складывалась самая трудная ситуация.

В то время, как пятерка Беляева сковала боем вражеских истребителей, группы Харитонова и Евсеева стремительно врзались в строй бомбардировщиков. Это был тоже проверенный прием. Фашистские летчики-бомбардировщики действовали энергично только в «стае». Но как только в их строй вклинивались наши истребители, «стая» распалась, и охваченные единственным стремлением уцелеть, они старались как можно быстрее освободиться от своего груза и удрать. Этого момента и ждали истребители. Теперь они наваливались на одиночные машины и расстреливали их в упор. Четыре Ю-87 и три Ю-88 нашли свою могилу подо льдом Ладожского озера.

А по ледовой дороге шли своим чередом машины с грузом для Ленинграда...

Были ли у Беляева личные успехи в этих боях? Ответ - в письме родным от 21 января сорок второго. *«Тебе интересно, как я воюю? Вот маленькие подробности. Сбил лично три самолета и в группе - один. Представлен к награде... Работаю заместителем командира эскадрильи. Не ругают. И не зазнаюсь.*

Этого мало? Больше нельзя. О себе все. Пиши, милоч, пиши. Чем больше писем, тем лучше...»

Сам он в эти зимние месяцы пишет довольно часто. Третьего марта делится своей радостью: *«Награжден орденом Красного Знамени. Теперь придется работать еще лучше. Прошу только меня не хвалить.»*

С наступлением весны письма в Токмак стали приходиться реже. И по содержанию они были значительно короче, чем раньше. Иногда это всего несколько строк.

«Милоч, мне очень некогда. Я сейчас полусонный... Так продолжается уже несколько дней. Привет от ребят - Жидова и Карпова...»

«Правда, последнее время писал реже, так как была хорошая погода и работать приходилось много с раннего утра и до позднего вечера. Хотелось спать...»

А чтобы родные могли себе представить, что у него за работа, он отсылает их к газетным публикациям. Одна из них в «Правде» за 19 апреля 1942 года.

Что ж, давайте и мы пробежимся по этим газетным строчкам, тем более, что их не так уж и много.

«Удар по немецкому аэродрому.

Ленинградский фронт. 18 апреля. (Спец. корр. ТАСС).

Партизаны сообщили командованию энской авиачасти о скоплении большого количества неприятельских самолетов на одном из тыловых аэродромов.

Утром летчики Максимов и Щербина вылетели на разведку. Незаметно подойдя к аэродрому, они обнаружили до 40 немецких бомбардировщиков и истребителей различных систем. Машины были расположены небольшими группами по краям аэродрома.

Получив точные данные о местонахождении и силах вражеской авиации, наше командование решило нанести по аэродрому концентрированный удар.

Утром в полет отправилось одно из наших авиаподразделений. Наши машины, пикируя, снижались до 400-200 метров и обстреливали самолеты из пушек и пулеметов. Сразу же в нескольких местах летного поля возникли пожары.

Как только наши «ястребки» появились в районе аэродрома, фашистские истребители попытались подняться в воздух. Но их пригвоздил к земле ураганный огонь советских самолетов. Два «мессера» все же успели подняться. Одного из них атаковал и сбил лейтенант Жидов. За вторым «мессершмиттом» погнался старший лейтенант Беляев. Фашистский летчик пытался удрать, но был настигнут и после короткой, но ожесточенной атаки, сбит.

А в это время наши летчики продолжали штурмовку аэродрома. Истребители шли на штурмовку цепочкой, одна машина прикрывала другую. Огневой ливень не прекращался в течение получаса.

В результате штурмового налета и воздушного боя нашими летчиками уничтожено 12 немецких бомбардировщиков и истребителей и 10 самолетов повреждено».

Одно маленькое уточнение нужно сделать: Георгий Жидов в это время был тоже старшим лейтенантом.

Фашисты несли большие потери, но и для летчиков 123-го истребительного полка эти воздушные схватки не проходили бесследно. В той самой штурмовке аэродрома, о которой сообщили многие газеты, был сбит товарищ Беляева еще по Кубинке Александр Бакланов. В начале мая Ириней Федорович пишет об этом жене и просит ее пока ничего не сообщать Тане Баклановой в надежде, что «возможно, он еще придет или будут какие-то сведения». А одиннадцатого мая фашистский снаряд настиг и самолет Беляева. Поскольку домой он сообщил о ранении лишь месяц спустя, когда уже выписывался из госпиталя, то подробности случившегося можно узнать только из дневниковой записи.

«Вылетели на сопровождение 6 бомбардировщиков СБ. Пошли бомбить Мзу. Вначале шли хорошо. А как только перелетели Неву, облачность спутала все наши порядки. Не теряя из виду своих самолетов, я остался северо-западнее Ми. Наблюдая за бомбометанием и действиями зениток, заметил, что недалеко от меня стреляет батарея. Я спикировал и обстрелял ее. При выходе из пикирования заметил два Ме-109. Но они не успели меня обстрелять. Я ушел в облака и направился к своим самолетам. Немцы атаковали их. ЛаГГи «окрысились»... Я тоже принял участие, выпустил два зреса и обстрелял врага... Когда оглянулся, за мной из своих никого. Я поспешил к своим. «Мессеры» были выше меня, они начали сближаться со мной. Рядом - кто-то свой. Так захотелось крикнуть: «Помогите!» «Мессер» открыл по мне огонь. Я дал левую ногу. Трасса прошла справа. Я уже совсем рядом со своими. И тут мне всадили.

Правое стекло очков разбито. Глаза залило кровью. Из носа и изо рта идет кровь. Пробили воду. Брызжет в глаза. Почти ничего не вижу. Болит локоть правой руки. Горит в правом боку. Чувствую, идет кровь.

Обдумываю, что делать. Лететь домой? А вдруг не дотяну: заклинит мотор или потеряю сознание. Ведь я не знаю, как ранен. Прыгать? А кто подберет?

Пробую управление. Работает хорошо. Мотор тянет. Принимаю решение идти на свой аэродром. Все время протираю глаза перчаткой. Иду на высоте 300-400 метров с тем расчетом, что, если сдаст мотор, прыгну.

Пробую смотреть одним правым глазом. Чуть вижу красный свет. Значит, глаз цел. Вижу аэродром. Выпускаю шасси, сажусь нормально. Машина катится по земле. Чуть сруливаю и выключаю мотор. Выбираюсь из кабины. Боль усиливается. Подъезжает санитарка, забирает меня. В санчасти делают перевязку. Оказывается, у меня четыре ранения... Завязали всего и повезли в лазарет. Тут снова перевязали, предварительно очистив раны от осколков... В общем, копались во мне долго, прежде, чем дали возможность спать...»

Осколков было много. Два извлекли из бедра, три из правой руки, пять из груди, а вокруг глаза - множество мелких. Пролежать в госпитале пришлось больше месяца. 11 июня он записывает в дневнике: *«Вот уже месяц, как я в лазарете. Начинаю скучать по работе, по товарищам. Надоело мне болтаться без дела. Хоть и знаю, что там война, но все равно надоело.»*

Домой о ранении - ни слова. Только сестре. *«Привет, Оля! Я получил твое письмо. И не особенно радуюсь, что ты пошла в армию. Потому и не радуюсь, что мы все в армии. Не надо забывать, что у нас есть старушка-мать. Причем, такая мать, что многие могут позавидовать. Ну, уж коли так, то будь хорошим бойцом. Не забывай, что девушка, и будь ею.»*

Оля, я был ранен и сейчас нахожусь в лазарете. Я об этом не писал Саше. Ты пока тоже молчи. Скоро я выйду и тогда им напишу. Особенного ничего нет. Скоро опять буду летать.»

Ольга Федоровна Беляева - младшая сестра Ириней, 1924 года рождения, закончила курсы шоферов и ушла в армию водителем автомашины. Теперь все дети Татьяны Степановны были на фронте. Самый старший - Андрей - погиб еще в 1929 году во время военного конфликта на КВЖД (китайско-восточной железной дороге). А Александр и Надежда так же, как и Ольга, прошли с боями всю войну.

Лежа в госпитале, Ириней Федорович поторапливал врачей с выпиской, уверяя их, что он уже вполне здоров и может летать. Но его из госпиталя отправили не в полк, а в Ленинград на медицинскую комиссию. А там, невзирая на все заверения летчика о том, что он здоров, вынесли свой «приговор»: *«От полетов на два месяца освободить».* Вернулся Беляев в свою часть удрученный, ибо нет для настоящего боевого

летчика ничего страшнее, чем отстранение от полетов, чем бы это отстранение ни мотивировалось. Это хорошо понимал командир эскадрильи Георгий Никанорович Жидов. Он-то и решил не томить своего заместителя на аэродроме, а отправить его в отпуск. Насколько это решение было для Беляева неожиданным, видно из его дневниковой записи: *«..Мне не верится. Неужели меня отпустят в отпуск во время войны, ведь я в мирное время в 1941 году не был в отпуске.»*

Его отпустили. Чем маяться человеку на аэродроме, когда товарищи летают, пусть лучше отдохнет, окончательно залечит раны. А «работы» впереди еще много, успеет навоеваться.

Вечером в землянке собралась вся эскадрилья. Два друга - Беляев и Карпов - сидели за столом, обнявшись. Ириной Федорович успокаивал своего неизменного ведомого:

- Ничего, Саша, вот поправлюсь и вернусь к вам. Вернусь, верь моему слову. Разве ж мне не дороги Ленинград и наша дружба...

Но Карпов только головой качал.

- Тебя, Ириной, я знаю, выздоровеешь и пойдешь в любую часть, лишь бы скорее драться. А я хочу, чтобы мы с тобой, как и раньше, в паре летали. Эх, встретиться мне тот фриц, что в тебя попал, я ему такое устрою, что и крыльев не найдут...

Карпов, действительно, хорошо знал старшего лейтенанта. Еще в июле сорок первого под Москвой сразу после училища пришел он в 11-й авиаполк и попал ведомым к Беляеву. Ириной Федорович был старше Карпова годами и как летчик значительно опытнее, а потому относился к новичку с большим вниманием и заботой. Очень осторожно, без нравучений, а все больше личным поведением в бою «воспитывал» он ведомого. В сентябре они вместе прибыли в Ленинград. Со временем Карпов стал настоящим истребителем-асом (в 1944 году он станет дважды Героем Советского Союза), но по-прежнему предпочитал летать в паре с Беляевым, справедливо считая его не только своим учителем, но и лучшим летчиком в полку...

Утром на летное поле пришли тоже почти всей эскадрильей. Транспортный «дуглас» улетал в 10 часов. Здесь Беляева ждал сюрприз. Командир полка разрешил Жидову и Карпову сопровождать «дуглас» через линию фронта. Было приятно еще раз ощутить дружескую заботу товарищей.

Когда самолеты были уже далеко за линией фронта, истребители несколько раз прошли совсем рядом с «дугласом», покачали крыльями, потом сделали над транспортником два круга и, взмыв к облакам, легли на обратный курс. Их ждали привычные боевые будни. А Беляева - встреча с родными.

Первые дни дома он наслаждался тишиной. Ни тебе рева моторов, ни орудийной канонады. Солнце... Так много щедрого южного солнца.

Днем разговоры с матерью, игры с детьми, о которых он так часто мечтал на фронте. Вечером - долгие беседы с женой. Он рассказывал ей о боевых друзьях, о том, как они в бою выручают друг друга, как трудно живется ленинградцам. Она делилась с ним своими комсомольскими заботами, справедливо полагая, что он не только выслушает, но и поможет советом, каким-то неожиданным решением. За их недолгую совместную довоенную жизнь она привыкла видеть в нем не только мужа, отца детишек, но и надежного товарища по работе.

Однако чем дольше он нежился в этой тишине, в домашнем покое и уюте, тем беспокойней становилось у него на душе: «Как там у них в полку?» Друзья прислали письмо, мол, здоровы, летаем, все по-старому. И хоть бы словечко о боях. И как месяц назад в госпитале, его неудержимо потянуло к ним. А тут еще газета подвернулась с заметкой о Ленинградском фронте. Заметка рассказывала о его родной эскадрилье, о том, какие воздушные победы одержали Жидов, Карпов, Воронцов...

Он несколько раз прочел эту небольшую заметку. Долго молчал, потом решительно объявил жене: «Завтра уезжаю. Собери мне, Саша, в дорогу вещи».

Александра Федоровна заплакала: ведь его отпуск еще не закончился.

Он протянул ей газету с только что прочитанной заметкой и тихо сказал:

- Не могу больше, понимаешь. Они там дерутся, а я загораю. Война кончится, тогда уж отдохнем по-настоящему.

У фронтовика вещей не ах сколько: туалетные принадлежности, пара-другая нижнего белья, ну может, еще шерстяной свитер на зиму. А Ириной Федорович вез на фронт тяжеленный чемодан. До самого предела этот чемодан был заполнен отборными южными яблоками. Это- его подарок друзьям.

Так получилось, что до своего аэродрома он добрался ночью. Ленинградские белые ночи давно кончились, и в землянке было полутемно. Когда глаза привыкли к мраку, Беляев осторожно, чтобы не разбудить спящих товарищей, пробрался к своей койке. Разделся и лег, предвкушая завтрашнее удивление друзей. Но тут он заметил, что койка в углу пуста. Нет Гурова. Ранен? Или...

Не выдержал, разбудил Карпова.

Тот с трудом разомкнул отяжелевшие веки, проворчал что-то нечленораздельное. А когда распознал, кто его тормозит, радостно воскликнул:

- Ириной! Вот здорово. Мы же тебя еще не ждали.

И протянул другу обе руки.

Но Ириной глухо произнес:

- Подожди, Сашок. Ты скажи, где Гуров?

Карпов опустил руки и чуть слышно прошептал:

- Погиб.

Беляев так стиснул челюсти, что скрипнули зубы. Гуров был из тех, кто прибыл с ним в полк из Подмосковья. Сколько раз летали вместе, сколько раз выручали друг друга в бою. Еще одного выдернула из их фронтовой семьи беспощадная война...

Потом они с Карповым сидели на одной койке и говорили, говорили. Александр Терентьевич выложил Беляеву все их боевые новости. Фашист хоть и не тот уже, что был осенью и зимой, но еще силен.

- Ну что же, Саша, сегодня и начнем сводить с ними счета, - сказал уже под утро Беляев. - Будем мстить и за Гурова, и за раны мои. У меня на него такая злоба накопилась, мочи нет. Потому и вернулся раньше времени.

Утром Ириной Федорович попал в крепкие объятия товарищей. Они с удовольствием отведали яблок, а оставшиеся было решено использовать в качестве призов: кто сбил вражеский самолет - тому в награду яблоко. 30 августа он пишет домой: *«Здоров. Жизнь идет однообразно. Мы теперь с Карповым воюем одни. Трое болеют. одного нет. Скучновато. Вчера съели последнее яблочко. Все берегли тому, кто собьет ганса, но в последнее время как-то не выходит, а яблочко стало вянуть. Мы решили его съесть.»*

Домой он, как и раньше, пишет часто, коротко сообщая, что жив-здоров, летает «нормально, а вот дневник свой забросил». *«Ничего не пишу, хотя записать есть что, но пока нет настроения.»*

Да и времени - тоже, уверенно добавим мы, основываясь на его следующем письме жене, - *«Приходится много летать, часто проводить бои. Жидов в госпитале...»*

Из письма от 10 сентября: *«Вчера на пару сбили один «мессершмитт.»*

25 сентября. *«...У меня на счету добавилось полтора ганса.»*

31 октября. *«Скоро возвращаюсь на фронт. Я был в тылу около месяца.»*

Нет, не на очередной отдых были отправлены Беляев и его товарищи. Они ездили за новыми самолетами. Конечно, они не могли знать тогда, что им на своих новых «яках» уже в ближайшие месяцы предстоят тяжелейшие бои по прорыву блокады Ленинграда. Они вернулись из этой длительной командировки и влились в повседневные полеты. Прикрывали «Дорогу жизни», громили тыловые коммуникации врага, защищали ленинградское небо от фашистских бомбардировщиков. Враг словно предчувствовал свое скорое поражение у этой невской твердыни и бросал все новые и новые группы бомбардировщиков на измученный город.

23 ноября Ириной Федорович пишет домой радостное письмо. *«Вчера у нас был праздник. Наш полк переименован в гвардейский. Так что я теперь гвардеец.»*

С тех пор, как он забросил свой дневник, его фронтовую жизнь можно проследить в основном по коротким письмам домой да нескольким газетным публикациям. Со страничек писем, пусть даже самых коротких, в отличие от газет встает перед нами живой человек, который не только стреляет, сбивает, уничтожает врага. Он радуется тем маленьким радостям, которые выпадают на фронте, гордится, когда его боевую работу замечают и отмечают. Ему не чужды и минуты душевной слабости.

3 января 1943 года. *«Вот и прошел Новый год... Днем 1 января была плохая погода и мы хорошо выспались.»*

18 января, в день прорыва блокады. *«Вот уже несколько дней, как я вам не писал. Это объясняется тем, что сейчас много работы. Приходится и нам немного теснить немцев. В этом году мой счет уже увеличился на два ганса... Еще новость: я теперь имею звание капитана. Вот, Шурик, у меня все.»*

21 января. *«О работе я не смогу тебе писать. Что можно - так это вырезки из газет. Я решил послать тебе некоторые.»*

26 января. *«...Я здоров. Приходится много работать. Да ты из газет знаешь, что у нас сейчас много работки.»*

Днем раньше на первой странице красноармейской газеты «Атака» - шапка чуть ли не во всю полосу «Гвардеец Беляев в одном бою уничтожил два юнкерса». Ниже призыв: «Летчики! Бейте врага так, как бьет его Беляев!» В 60-строчечной заметочке рассказано об одном бое.

«Днем группа краснозвездных истребителей, возглавляемая гвардии капитаном тов. Беляевым, прикрывала свои наземные войска в районе В. В момент выполнения боевой задачи воздушный патруль получил с земли по радио команду: «Внимание на юго-запад!» Летчики усилили наблюдение. Вскоре они заметили до 10 «юнкерсов-88» и «мессершмиттов-110». Сверху со стороны солнца Беляев повел своих летчиков на врага. Рассеяв стаю бомбардировщиков, гвардейцы начали расстреливать их поодиночке.

Героический подвиг совершил командир наших истребителей. На пикировании, а затем при выводе из пике Беляев атаковал ведущий самолет фашистов. Расправившись с одним пиратом, капитан ударил пулеметно-пушечным огнем по второму «юнкерсу» и преследовал его до самой земли. Таким образом в одном бою летчик Беляев уничтожил два немецких самолета.

Как всегда, смело и решительно действовал гвардии старший лейтенант Карпов. Меткими пулеметными очередями он поджег правый

мотор Ю-88. Однако бомбардировщик продолжал полет. Карпов дал еще несколько очередей. Стрелок «юнкерса» прекратил огонь. Тогда наш летчик еще раз стремительно атаковал врага. После этого удара правый мотор бомбардировщика отвалился и дымящая немецкая машина упала на землю».

31 января. *«Идут бои южнее Ладожского озера. Здесь и нам часто приходится бывать и бить немцев в воздухе. За это время мы хорошо их погоняли. Неплохо, если бы так продолжалось».*

8 февраля. *«Сегодня получил от вас письмо. Какая радость. Очень благодарю. Сообщаю новость. Указом от 6 февраля 1943 года я награжден орденом Отечественной войны первой степени. В этот же день получил от командования телеграмму с поздравлением...»*

26 февраля. *«Сколько ни будь мужественен, все равно надоела эта война. Каждый день одно и то же, причем с риском для жизни ежедневно. У нас сейчас стоит тоже хорошая погода: идет почти дождик, низкая облачность. Когда ясно, это по-нашему - плохая погода. Нам приходится много работать. О моей боевой жизни я тебе послал вырезки из газет. Ты, наверно, их уже получила...»*

27 марта. *«... Я думаю, что скоро мы на время выедем отсюда, как раньше ездили в Кузнецк.»*

Александре Федоровне не надо было гадать, куда опять поедет ее муж. Конечно же, за самолетами. И эти сообщения, может быть даже лучше, чем газетные публикации, говорили ей, какие там, под Ленинградом, идут страшные бои. И полгода не прослужил летчику самолет, уже требуется новый. А ведь «яки», говорил Ириной, - лучшие истребители, которыми располагала наша армия.

Действительно, еще в сорок втором году он записал в дневнике: *«Сегодня с нами ночевал летчик с «томагавка». Он пришел из вражеского тыла. Летал на разведку. Вдруг машина загорелась. Сделал посадку.*

Это американская машина. Не совсем освоена. Рассчитана на теплые условия. Летчики обижаются на нее. Недаром о «томагавке» говорят: «Америка России подарила самолет: большие обороты и малый ход». Отечественные машины лучше всех, а лучшая из них - Як-1.»

Создатель серии знаменитых «яков» Александр Сергеевич Яковлев на протяжении всей войны модернизировал, улучшал боевые качества своего первенца- истребителя Як-1 и уже к 1943 году военные летчики получили истребители Як-3 и Як-7. Это были самые легкие в управлении машины, высокой живучести и хорошей маневренности. Многие фронтовые авиаторы буквально боготворили этот самолет.

Вот за таким истребителем и уезжал в Саратов И. Ф. Беляев. Но поездка эта состоялась только в конце мая. А пока он летает на своем латаном-перелатаном Як-1.

15 апреля. *«Еще новость: меня все поздравляют с правительственной наградой - орденом Александра Невского. Сегодня награжден. Как видишь, последние месяцы - январь, февраль, март - пришлось повоевать прилично. Это третья правительственная награда за Отечественную войну.*

От Нади получил письмо. Она уже близка к фронту, но адреса еще не дала. Я вам сообщу...»

9 мая. *«...Ходил на охоту. Убил ноги и время... Сашенька, я устал, но зато хорошо отдохнул. Ходил по лесу, по болоту. Иногда даже вспоминалось детство. Я ведь очень люблю лес...»*

24 июня. *«Вот уже третий день, как я прибыл на старое место и только сейчас могу тебе немного написать. Сразу же пришлось вступить в крепенькую работку... Не беспокойся, верь в меня и крепко жди. Я вернусь...»*

О его «крепенькой работке» рассказали все газеты Ленинградского фронта. Я приведу здесь небольшую заметочку из «Боевой тревоги».

«Подробности воздушных боев 23 июня.

Вчера в «Боевой тревоге» сообщались предварительные результаты воздушных боев, происходивших утром 23 июня.

Поздно вечером того же дня разыгрались еще более интенсивные бои. На объект шло 50 вражеских бомбардировщиков разных типов. Прикрывали их 15 истребителей.

Несколько групп наших истребителей, вылетевших по тревоге на встречу врагу, провели 4 воздушных боя, в ходе которых немцы потеряли еще более жестокое поражение, чем утром.

Восьмерка истребителей под командованием капитана Пронина первой врезалась в строй вражеских бомбардировщиков. Боевой порядок фашистов был нарушен. Капитан Цисаренко сзади обстрелял «юнкерс-88». Фашистская машина загорелась и рухнула на землю. Второго бомбардировщика этого же типа вогнал в землю ведущий группы капитан Пронин.

Старший лейтенант Иванченко меткой очередью сбил До-215. Успех летчиков Пронина во многом зависел от действия шестерки под командованием кавалера ордена Александра Невского гвардии капитана Беляева, которая связала боем вражеских истребителей прикрытия.

В этом бою сам Беляев сбил два немецких истребителя. Одного «фокке-вульфа» сбил молодой летчик младший лейтенант Ульянов...»

Тринадцать боевых машин потеряли фашисты 23 июня.

Второго июля на капитана Беляева заполнили очередной наградной лист. Это длинный и очень подробный документ, не лишенный, конечно, высокопарных фраз, всевозможных штампов. Но таков уж был стиль того времени.

«... С первых дней войны с озверевшими бандами фашизма смело и отважно защищает нашу Родину, проявляя героизм, самоотверженность и умение бить врага. Дерзкий и напористый, в бою решительно забирает инициативу и всегда добивается победы над врагом. Мужественный летчик-истребитель, отлично знает тактику воздушного боя, умело передает свой богатый опыт подчиненным. Умело организует и руководит боевой работой эскадрильи. За период 6-месячных боев 1943 года летный состав эскадрильи под руководством тов. Беляева сбил 17 самолетов противника при своих потерях в личном составе 2 человека...

За период боевых действий произвел 365 боевых вылетов... Провел 56 воздушных боев, в результате которых сбил лично 3 бомбардировщика и 10 истребителей и в группе - 3 истребителя и 1 бомбардировщик. Всего в воздушных боях уничтожено 17 самолетов противника.

Учитывая тактико-технические данные отечественных самолетов, применил метод ведения воздушных боев на вертикалях и передает его молодым пилотам. Результат последних боев показал преимущество этого метода и высокую выучку летчиков эскадрильи.

...За произведенные штурмовки и разведки тылов и войск противника и сбитые в воздушных боях 6 лично и 2 в группе самолетов противника награжден орденом Красного Знамени и Отечественной войны 1 степени.

За умелое руководство боевой работой эскадрильи и нанесение большого урона противнику награжден орденом Александра Невского.

За мужество и умение бить врага тов. Беляева представляю к высшей правительственной награде и ходатайствую о присвоении ему звания Героя Советского Союза.

Командир 27 ГИАП гвардии полковник Мажаев.

Ходатайствую о присвоении звания Героя Советского Союза.

Командир 7 ИАК Герой Советского Союза полковник Антонов.
2.7.1943 года.»

А 8 июля Ириной Федорович был сбит и вместе с самолетом упал на оккупированной территории.

...Эскадрилья Беляева была поднята по тревоге. Со станции наблюдения сообщили, что курсом к Неве, туда, где только что был восстановлен железнодорожный мост, идет большая группа немецких бомбардировщиков. «Яки» вылетели наперехват. Они встретили вражеские самолеты над линией фронта. Последнее, что услышал Александр Карпов от своего ведущего:

- Вижу «мессер». Прикрой, атакую.

Карпов прикрыть не успел. В самолет Беляева попал снаряд с бомбардировщика.

«В первые секунды после случившегося, - писал позднее Карпов Александре Федоровне Беляевой, - я ничего вокруг себя не видел и чуть-чуть не был сбит. Очнулся лишь тогда, когда услышал, как по самолету забарабанили пули, а рядом мелькнул силуэт «мессера». Во мне закипела такая ярость, что я даже не заметил, что остался один против трех фашистов. Что было потом, рассказать трудно. Это был какой-то ураганный бой. Я сбил двух фашистских стервятников...»

Товарищи долго не сообщали семье о случившемся, ждали, надеялись, а вдруг произойдет чудо и он вернется. Ведь история воздушных боев знала немало случаев, когда, казалось, в совершенно немыслимых условиях летчик все-таки оставался жив и возвращался в свой полк. Но Беляев не возвращался. И в то же время не было очевидных доказательств, что он погиб. В официальных документах появилась запись: с задания не вернулся. Так и семье сообщили.

... Он писал домой часто, понимая, что значат для матери и жены даже несколько его строк, сообщающих, что он жив-здоров. А весь июль - ни строчки. Начался август. Александра Федоровна уже не находила себе места. И когда прибежали из горкома партии, сказав, что ее приглашает секретарь, она поняла - Ириной... Секретарь поднялся ей навстречу. Протягивая конверт, сказал: «Ты прости, Саша, что сам не пришел. Мы решили тебя сюда пригласить, чтобы ты дома не кричала. Поплачь здесь, чтобы никто не видел. Ты ведь секретарь комсомольский. Прошу тебя, дорогая, не сей паники. Слез и крика в Токмаке и так много...»

История одного поиска

«Не вернулся с задания» - абсолютно равнозначное с «пропал без вести». Разница лишь в том, что в первом варианте это сообщалось семьям летчиков или моряков, а во втором - семьям воинов других родов войск.

Не вернулся с задания - еще не значит: погиб. Теплится слабый огонек надежды: а вдруг где-то жив родной человек. Такой огонек долгие годы не угасал и в семье Ирины Федоровны Беляевой. Подпитывали его газетные публикации о Маресьеве, Полетаеве, Девятаеве и им подобные, а более того - всевозможные устные легенды о том, как «пропадал» человек, а потом, годы спустя, возвращался из плена, из партизанского отряда, а то и из госпиталя, где случилось ему, тяжело контуженному пролежать несколько лет безгласному и безымянному.

Александра Федоровна постаралась сделать все, чтобы дети не только знали, каким был их отец, но и вместе с ней ждали его возвращения. Люся и Сережа видели, как их мама часто разговаривает с висящим на стене портре-

том. Подрастая, они и сами начали обращаться к нему, как к живому. Все, что происходило в их отроческой жизни, они поверяли ему, а когда приходилось что-то решать, спрашивали у него совета и представляли себе, как бы он ответил.

Но шли годы, и все меньше оставалось надежды на его возвращение. А когда Сережа надел хранимый отцовский пиджак и тот оказался ему впору, Александра Федоровна подняла глаза на портрет мужа, прощаясь с ним, живым. И тогда на своем маленьком семейном совете решили они во что бы то ни стало найти хотя бы то место, где упал его самолет.

Начался поиск, затянувшийся на десятилетия. Из небольшого городка Щекино Тульской области, куда семья переехала вскоре после войны по требованию врачей (Александра Федоровна начала сильно хворать и ей настоятельно рекомендовали «сменить климат»), во все концы страны полетели письма с просьбой поделиться воспоминаниями о летчике Беляеве, сообщить что-то о его гибели. Откликнулись однополчане и школьники-следопыты, работники архивов и музеев. Накопился целый альбом материалов: газетные вырезки, копии документов, фотографии, письма, воспоминания. В 1966 году бывший командир полка прислал семье копию последнего наградного листа (представление к званию Героя). Вернулся в семью фронтовой дневник Ириней Федоровича. Уже в восьмидесятые годы прислал письмо однополчанин капитана Беляева Герой Советского Союза В. Харитонов. «Ириней Федорович Беляев, - говорилось в письме, - как командир и как летчик имел исключительный авторитет среди летчиков. Он отличался высокой порядочностью, исключительной скромностью и доброжелательностью, был отзывчивым человеком и сердечным товарищем. Я до сих пор хорошо помню его постоянную и очень обаятельную улыбку. Он был гордостью нашего полка.

Вы все - жена, дети, внуки и правнучка его - можете и должны гордиться им. Он был честным и мужественным человеком...»

Документов в «красном альбоме» накапливалось все больше, но главного, указывающего на место гибели летчика, - так и не было.

И вдруг эта информация в газете «Советская Россия» за 8 ноября 1982 года. Ее показала Л. И. Беляевой (в замужестве Бокаревой) соседка по подъезду. Людмила Иринеевна пробежала глазами это сообщение и поспешила к матери. Читали и перечитывали эти тридцать пять строчек, откладывали газету, доставали воспоминания однополчан, сопоставляли, строили предположения и опять читали.

«335-297, июнь 1943 года - такова надпись на двигателе советского истребителя, обнаруженного в торфяных низинах близ города Пушкино под Ленинградом. - Так начиналась эта информация. - Этот само-

лет Як-76 стал сорок третьим в списке военных машин, поднятых из ленинградских болот благодаря энтузиазму гатчинского следопыта Михаила Алексеевича Маркова».

Кто такой Марков? Как его найти? Конечно же, через редакцию газеты. Правда, автор заметки Д. Владимиров уже выстроил гипотезу о том, кому могла принадлежать обнаруженная машина. Но в этой версии много непонятого.

«Летчики-ветераны говорят, что самолет мог входить в состав 26-го или 29-го полка 275-й дивизии истребительной авиации Ленинградского фронта, причем первое, если учесть некоторые детали, более вероятно. Следовательно, машина могла принадлежать знаменитому асу ленинградского неба, дважды Герою Советского Союза Александру Терентьевичу Карпову, уничтожившему 28 фашистских самолетов. Ведь известный авиатор из Калуги менее, чем за год удостоенный двух высших наград Родины, свой последний полет совершил 20 октября 1944 года. И связь с ним оборвалась в двух минутах лета от места, где теперь найден самолет.

Удалось установить, что 20 октября 1944 года над Ленинградом стоял непроглядный туман: в тот день несколько пилотов, сбившихся с курса и потратив бензин, делали вынужденные посадки».

Если это даже самолет лучшего друга Беляева - Саши Карпова, - то почему в заметке речь идет о 26-м или 29-м полках? И Карпов, и Беляев были из 27-го гвардейского истребительного полка. Кроме того, Ириной Федорович в письмах и дневниках постоянно подчеркивал, что при плохой видимости они не летали. Даже в те дни, когда все усилия были направлены на прорыв блокады, в такую погоду не летали. Так почему нужно было поднимать истребителей в «непроглядный туман» в октябре сорок четвертого, когда фронт уже несколько отодвинулся от Ленинграда? Что-то тут не стыкуется. Надо писать, тем более, что и автор просит откликнуться...

Они написали в «Советскую Россию». Оттуда их письмо переслали Маркову. Михаил Алексеевич ответил: «Да, по всем данным, я нашел самолет и останки вашего отца...»

Как ни мечтали Беляевы получить когда-нибудь такой ответ, письмо, которое они держали в руках, так потрясло их, что у Людмилы Иринойевны расплылись перед глазами строки. Столько лет они неотступно вели свой поиск. И вот он, кажется, завершен. Сорваться бы сразу, мчаться туда опрометью, да ведь зима на улице. Все под снегом, ничего не увидишь. Как ни тягостно, а придется ждать до лета.

В июле 1983 года Александра Федоровна с дочерью и зятем, с внучкой, ее мужем и правнучкой, предварительно списавшись с Марковым, на машине отправились в Ленинградскую область. Там и узнали они подробности, как был найден самолет Беляева.

А было это так. Летом восьмидесятого года учитель из Павловска в поисках хороших грибов забрался в глухие болотистые места. Внимание грибника всегда сосредоточено на том, что под ногами. А тут вместо грибной шляпки - лопасть самолетного винта. И всего-то сантиметров тридцать над поверхностью торчит, но обознаться невозможно. Попробовал вытащить, да где там, прочно в земле сидит. Осмотрелся грибник, постарался запомнить место своей необычной находки и отправился домой с твердым намерением сообщить о ней Маркову.

Имя этого удивительного человека в это время знали в Ленинградской области уже многие. Сколько раз писали о нем в газетах. И то сказать - несколько десятков (в «Советской России» названа цифра 43, сам он называл в то время журналистам на десяток меньше) самолетов откопать - это не грибы собирать. Неделю слесарит на заводе (шестой разряд у него!), а в выходные где бы отдохнуть, хозяйством своим немудреным заняться, он ходит по лесам, выискивает упавшие во время войны самолеты. И помощников нашел себе таких же одержимых...

Место, которое указал грибник, следопыты нашли быстро и торчащую из земли лопасть - тоже. А вот извлечь самолет из торфяника - дело не быстрое. Очень уж глубоко ушел он в вязкий болотистый грунт.

Самолет оказался истребителем. В кабине - останки летчика, обгорелый планшет. Из него вытащили такой же обгорелый клочек конверта. На нем четко прочитывалось: Беляев Ир... Начали гадать: если Ирина, то должно быть - Беляева. Но тут без сомнения фамилия в мужском варианте... Редкое имя Ириной Михайлу Алексеевичу было неизвестно.

Достали и разобрали самолет, похоронили тут же неподалеку останки летчика. Тогда и сообщил Марков в газету об очередной находке.

Приехавшую в Гатчину семью Беляева Михаил Алексеевич привел на место падения самолета (последние несколько километров из-за непроходимости дороги пришлось идти пешком), рассказал, как по отдельным деталям восстановил последние минуты жизни капитана. Истребитель, подбитый вражеским снарядом, горел. Стремясь сбить пламя, летчик перевел машину в положение. Увидев внизу небольшую зеленую полянку, он надеялся спланировать и сесть. Это явствует из того, что самолет снижался под углом в 25 градусов. Откуда было знать пилоту, что зеленеющая полянка - не что иное, как торфяник. Приземлившись, машина тут же полностью ушла в грунт.

Родные капитана забрали с собой останки, горсть земли с места падения самолета и, сердечно поблагодарив Маркова за подвижнический труд, уехали. Им казалось, что поиск окончен. Ведь им было вполне достаточно того небольшого клочка бумаги с фамилией и двумя буквами имени, чтобы признать, что это останки родного человека. Да и доказательства, которые приволил Михаил Алексеевич, звучали вполне убедительно.

Рассуждал он, примерно, так.

«Летал Беляев на истребителе Як-7б. На донышках гильз оставшихся у летчика семнадцати патронов даты - сорок третий год. На масляном радиаторе тоже дата - декабрь сорок второго. Это все к тому, что последний бой был в сорок третьем, но никак не раньше. А конкретнее? Сверху самолет покрашен зеленым. Значит снег уже сошел, поле аэродрома зеленое. Весна? Но летчик в сапогах. А пилоты, бывало, еще и в мае в унтах летали. Выходит, лето. Место падения Беляева - вне сомнений. А дата гибели, как сообщили семье из полка, 8 июля 1943 года. Все совпадает...»

Однако доказательства Маркова были все-таки косвенными, опосредованными. Для официального признания, чей это самолет, доказательств недостаточно. Как ни убеждал следопыт, ни одно учреждение не брало на себя смелость выдать официальный документ, подтверждающий, что найденные останки - это останки командира эскадрильи 27-го гвардейского истребительного полка капитана Беляева.

Осенью того же года, взяв отпуск, Марков со своими помощниками отправился к месту падения самолета.

- Воды в яме было немного, - рассказывал позднее журналистам Михаил Алексеевич. - Ведер полтора. Вычерпывали мы ее на лист железа: вдруг еще что-то найдется. Когда я счистил тяжелый торфяной ком, внутри оказалась капсула, которую почему-то называют медальоном. А еще - смертным паспортом...

Сколько раз я сама слышала ироничные высказывания в адрес этих маленьких шестигранных капсул с узкой полоской бумаги внутри. Надо заметить, что и сами воины сорок первого - сорок второго годов относились к ним весьма небрежно. Иначе чем можно объяснить, что, подняв в 1966 году в районе Оштинской обороны останки 126 советских бойцов (и солдат, и офицеров) мы нашли только четыре медальона с записками. А между тем, как бы они помогли нам тогда в нашем поиске имен погибших здесь людей.

Найденный Марковым медальон принадлежал Иринею Федоровичу Беляеву. Записка, несмотря на то, что капсула сорок лет пролежала в сырости, сохранилась весьма прилично.

Во время нашей встречи в 1986 году Александра Федоровна дала мне вместе с фотографией мужа, копиями некоторых документов и фотокопию этой записки. Ее читатели могут увидеть на иллюстрационной вклейке.

Найденный медальон поставил последнюю точку в многолетнем поиске. Оставалось еще выполнить гражданский долг: предать останки летчика земле со всеми полагающимися воинскими почестями и решить вопрос о посмертном награждении героя.

Похороны взяло на себя руководство города Щекино. Они состоялись 26 мая 1984 года. Собралась вся семья Беляевых. Приехали с Украины брат и обе сестры летчика, его сын - подполковник Сергей Иринеевич Беляев, его внук - курсант Минского высшего военного училища Альберт Сергеевич Беляев. Обращает на себя внимание такая деталь: Иринея Федоровича Беляева жители города не знали, никогда не видели, а на траурный митинг в тот субботний день пришло, по прикидке местных журналистов, несколько тысяч человек. Прах славного летчика положили в городском сквере, рядом с юными подпольщиками Игорем Ивановым и Петром Чадаевым, которых фашисты расстреляли в сорок первом, и солдатом Василием Шабуниним, которого в 1866 году тщетно пытался спасти от царской судебной расправы Лев Николаевич Толстой.

Так, родившись на вологодской земле, мальчик, прошедший свое отрочество на Алтае, отдавший свою жизнь за Ленинград, свой вечный покой обрел на земле тульской.

Щекинская народная киностудия «Проба» сняла десятиминутный документальный фильм «Представлен к званию Героя». Этот фильм стал своеобразным документом-ходатайством щекинцев о присвоении Беляеву звания Героя, к которому он был представлен еще в 1943 году. С таким же ходатайством выступили газета «Советская Россия», Ленинградский областной военный комиссариат, оставшиеся в живых ветераны 27-го гвардейского истребительного авиаполка.

Потребовалось еще целых восемь лет, чтобы, наконец, была действительно поставлена последняя точка в героической биографии нашего земляка. 5 мая 1991 года первый (и последний) Президент Советского Союза М. С. Горбачев подписал Указ о присвоении Беляеву Иринею Федоровичу звания Героя Советского Союза (посмертно).